

УДК 271.2

Историко-культурные аспекты просветительской деятельности Иннокентия Вениаминова

Л. Н. Харченко

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск

Настоящая работа посвящена тем страницам просветительской деятельности Иннокентия (Вениаминова), которые связаны с его священническим служением на дальних окраинах Российской империи – на Алеутских островах, Камчатке, в Якутии и на Амуре.

Ключевые слова: Православная церковь, просветительская деятельность, миссионерская деятельность, история, культура, Алеутские острова, Камчатка, Якутия, Амур.

Многие аспекты отечественной истории, а в особенности истории культуры России, самым тесным образом связаны с деятельностью Православной церкви (ПЦ) и ее выдающихся представителей. Иннокентий (Вениаминов) – один из них. 45 лет его священнического служения (1823–1868) прошли на дальних окраинах Российской империи – на Алеутских островах, Камчатке, в Якутии и на Амуре, из них 28 лет – в сане епископа. Своими трудами он заложил основу научных исследований по этнографии, лингвистике и истории североамериканских народов [1]. Его подвижническая деятельность получила достаточно высокую оценку как современников, так и потомков.

С 1868 по 1879 гг. Иннокентий (Вениаминов) возглавлял кафедру митрополитов Московских, приняв ее после Филарета (Дроздова; 1821–1867). Последний являлся, несомненно, колоритной, хотя и непростой фигурой, оставившей большой след не только в истории Православной церкви, но и в истории государства Российского. Время его активной деятельности простиралось на три интереснейшие эпохи: завершение царствования Александра I, николаевскую эпоху и начальный период реформ Александра II. Любому претенденту в его преемники было бы невероятно трудно держать собственную марку так же высоко, потому кандидат должен был обладать не менее значимыми качествами и иметь неоспоримые заслуги на ниве пастырской деятельности.

Иннокентий (Вениаминов) был именно таким человеком. Непростой его путь к апостольскому служению на Аляске и само служение – лучшие тому доказательства. Просветительская деятельность Иннокентия на протяжении

длительного времени его священнического служения на Алеутских островах, Камчатке, в Якутии и на Амуре реализовывалась через миссионерскую работу, смысл которой заключался в проповеди христианского учения аборигенным народам и переводе его на их языки. Несомненно, это был творческий процесс с наивысшим коэффициентом отдачи, который захватил его всего и стал, говоря современным языком, стилем жизни. С полной уверенностью можно сказать, что невероятная успешность его просветительской деятельности вряд ли была бы возможна без глубокого уважения к культуре просвещаемых народов, скрупулезного изучения их языка и традиций. В одном из писем к Филарету (Дроздову) он писал: «Паства моя, хотя и не велика числом..., но не мала ... добрыми примерами... Чем больше я знакомлюсь с дикими, тем более люблю их и тем более убеждаюсь, что мы с нашим просвещением далеко... уклонились от пути к совершенству, почти не замечая того, ибо многие так называемые дикие гораздо лучше так называемых просвещенных в нравственном отношении» [2].

Особое внимание в просветительской работе, по мнению Иннокентия, следовало уделять воспитанию детей, о чем он неоднократно писал в своих письмах разного уровня чиновникам и церковным деятелям. Так, в письме графу Н. А. Протасову, обер-прокурору Св. Синода (1836–1855), задолго до выхода в свет официального Положения о церковно-приходских школах (1864), он со свойственной ему обстоятельностью изложил целую программу церковно-школьного воспитания и образования. Главным в этом процессе он полагал непременно воспитание двух важнейших качеств: «Быть христианином и быть полезным обществу» [3].

Справедливости ради следует отметить, что подобную воспитательную практику Иннокентий начинал с собственных детей. Очень хорошо этот процесс прослеживается по его переписке. Так, в одном из писем сыну Гавриилу, обучавшемуся в Санкт-Петербургской духовной семинарии (1843), он писал: «Бога ради, храни себя в чистоте: в тысячу раз легче бороться со страстями до падения... Ты просишь у меня денег. Я дал бы тебе охотно, но гораздо будет лучше, если ты потерпишь нужду. Кто не испытал нужд, тот не может верить нуждающимся...» [4].

Рассматривая просветительскую деятельность Иннокентия (Вениаминова), хотелось бы коснуться искусства проповеди. В XIX в. в качестве «скрепляющего» элемента российское проповедничество было пронизано единым стержнем – государственнической ориентацией, т. е. неизменной увязанностью мероприятий воспитательного характера с конкретно-политическими потребностями [5]. Тем не менее, в регионах возможны были и присутствовали собственные нюансы применительно ко времени и ситуации.

Проповеднические труды Иннокентия (Вениаминова) названы в ряду «лучших памятников миссионерской письменности Православной церкви» [6]. Широкою известность приобрели его огласительные поучения: 1) «Указание пути в царствие небесное»; 2) «Поучение постникам или говельщикам»; 3) «Слово в неделю третью святого поста». Причем первая работа с 1839 по 1885 гг. издавалась 46 раз [7], в общей же сложности большинство

авторов склоняется к мнению о том, что она выдержала более 50 изданий, была переведена на многие языки сибирских аборигенов и пользовалась невероятной популярностью. Названная работа стала прекрасным катехизическим пособием для миссионеров.

Рассуждая о проповеди христианского учения аборигенным народам российских окраин, нелогичным было бы не провести исторические параллели между такими выдающимися просветителями первой половины XIX в., как Иннокентий (Вениаминов) и Макарий (Глухарев). Они являлись современниками и начинали свои подвижнические труды практически одновременно. Первый вступил на путь апостольского служения в 1823 г. в российских владениях на Аляске, второй в 1828 г. – на Алтае. Причем Макарий (Глухарев) изъявлял желание трудиться на просветительской ниве в Иркутске, но судьбе было угодно, чтобы он проповедовал православие алтайским аборигенам. Оба, и Иннокентий, и Макарий, принялись за дело с присущей им энергией и стремлением донести основы христианского вероучения до сознания просвещаемых народов. Оба они были чужды формального подхода, потому приступали к крещению после длительного периода оглашения. Неслучайно в проповеднических трудах Иннокентия значительное место занимали огласительные поучения.

Что же касается искусства проповеди, то каждый из них привносил собственные живые черты с учетом места служения и обстоятельств. Макарий не просто интерпретировал Св. Писание в доступной для своих слушателей форме, но и представил его в виде т. н. кантов. Они легко запоминались и разучивались, вследствие чего очень быстро стали популярными. Об этом свидетельствует их многократное переиздание, продолжавшееся вплоть до конца XIX в. [8]. Опыт Макария достаточно успешно развили его последователи М. Чевалков, С. Ландышев и особенно Макарий (Невский) [9]. Причем крещенный Макарием (Глухаревым) алтаец, впоследствии протоиерей Чевалков, стал автором назидательных притч, синтезировавших сюжеты Св. Писания с национальным фольклором, поэтическими и музыкальными традициями. Это сделало их необыкновенно популярными и востребованными среди аборигенов [10].

Иннокентий испытал сильное влияние крупного церковного деятеля митрополита Московского Филарета (Дроздова). Воспитанный в духе неукоснительного почитания традиций, он тяготел к классическому варианту проповеди, сторонником которого являлся Филарет.

Следует отметить, что Филарет (Дроздов) оказал большое влияние на развитие проповеднического искусства второй и третьей четверти XIX в. Проповедь он видел важным и необходимым средством искоренения пороков и недостатков в обществе. Главным в ней он считал разъяснение истин Слова Божия и основ христианской нравственности, но не отрицал и возможности приспособления проповеди ко времени и обстоятельствам [11]. Собрание проповедей митрополита Филарета выдержало семь изданий и было широко распространено во всех епархиях страны.

Выдающиеся просветители Иннокентий (Вениаминов) и Макарий (Глухарев) мечтали, чтобы миссионерство стало делом всей Церкви. Претворить в жизнь задуманное удалось первому. Закономерным завершением его целенаправленных действий на ниве просвещения стало основание в 1869–1870 гг. Православного миссионерского общества (ПМО). Оно имело свои филиалы по всей стране, крупнейшими и достаточно деятельными центрами являлись сибирские его отделения в Тобольске, Иркутске, Якутске и др. Силами общества был создан фонд для поддержки миссий, строительства и содержания учебных и благотворительных учреждений. В 1874 г. произошло еще одно важное событие – было основано первое периодическое издание ПМО – журнал «Миссионер», который быстро распространился по всем епархиям страны и оказывал существенную помощь миссионерам в организации просветительской работы.

Архиерейское служение Иннокентия (Вениаминова) совпало с интереснейшим периодом отечественной истории – временем присоединения к России амурских территорий. В 1862 г. он перенес епископскую кафедру из Якутска в Благовещенск, что наилучшим образом свидетельствует о его отношении к обозначенному вопросу.

Следует отметить, что в освоении амурских территорий Иннокентий являлся соратником генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева и русского исследователя Дальнего Востока Г. И. Невельского, справедливо полагая присоединение Амура делом великим, которое по достоинству оценит только история. В «Записках об Амуре» он писал: «...Занятие Амура, даже при небольшом заселении берегов оно, скоро и сильно может развить деятельность в Забайкальском крае» [12].

Рассуждая о самом процессе заселения новых территорий с целью наиболее быстрого и рационального их использования, Иннокентий писал: «...Лучшее и полезное население, как известно, составлялось переселениями в Сибирь почти целых селений в зачет рекрутства и изгнанием нескольких раскольнических семейств за Байкал. [Они]... принесли с собою все свои... обычаи, свои познания, свои порядки и свое трудолюбие; для них переменялось почти одно только место, а общество, т. е. их соседи, те же, что были и в России. Следовательно, начать иной порядок, иной образ жизни значило идти против общего мнения – этого великого двигателя обществ, гражданств и царств» [12, с. 302]. При этом он отмечал пагубное влияние на благосостояние Сибири двух элементов: ссыльных и заезжих чиновников. Первых он называет безнравственными и праздными, вторых – соблюдающими только свои выгоды «...и за глаза начальства дозволяющими себе все...». В падении нравственности и утрате почтительного отношения к обычаям и вере усматривал выдающийся просветитель главную причину деградации общества.

Иннокентий остро чувствовал политическую борьбу капиталистических держав того времени за колонии и сферы влияния. Дальний Восток в этом плане представлял несомненный интерес для многих. Полагаем, что он не одобрял дискуссий, которые забайкальская и иркутская оппозиция генерал-губернатору Н. Н. Муравьеву вела по поводу освоения амурских территорий.

Ее яркими представителями являлись декабрист Д. И. Завалишин и священник К. Стуков [13].

Иннокентий (Вениаминов) прямо не полемизировал, но твердо и четко расставлял все по своим местам в амурском вопросе. «Лишь только мы оставим Амур, то или американцы, или англичане немедленно завладеют, и уж не будут так вежливы с соседями нашими», – писал он [14]. Архиерей находился в гуще событий, имеющих самое непосредственное отношение к присоединению и освоению амурских территорий. Так, 16 мая 1858 г. он вместе с генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым, управляющим дипломатической канцелярией, титулярным советником Е. Г. Бютцевым, статским советником МИД П. Н. Перовским и другими присутствовал при подписании Айгунского договора. Неоднократно совершал инспекторские поездки по Приамурью. Иннокентий очень хорошо понимал особую миссию духовенства, которому предстояла пастырская деятельность на новых территориях и то, что далеко не каждый сможет осилить ее. Потому делал все возможное, дабы облегчить его материальное положение. Так, с подачи архиерея состоялся Указ Синода (19.03.1858), по которому всем отправляющимся на священнические места в Якутию и Приморский край полагались особые привилегии: двойные прогонные на каждого члена семьи и годовой оклад жалования, а по выслуге 10 лет пособие и оплата обратного пути, в случае если кто-то пожелает возвратиться.

Помимо названного еще одно обстоятельство позволяет судить об Иннокентии (Вениаминове) как церковном деятеле крупного масштаба, для которого стезя просвещения стала задачей первостепенной важности, в особенности, если речь шла о закреплении за Россией новых территорий. Так, еще в 1853 г. он назначил на Амур миссионером своего сына – священника Гавриила Вениаминова для обустройства там православной миссии и содействия закреплению левобережья Амура за Россией.

Религиозному воспитанию населения, которому предстояло осваивать новые территории, Иннокентий придавал большое значение, потому полагаем необходимым особо выделить амурский период его деятельности. Он много писал о том, что духовенство для этой цели необходимо было особо готовить и поддерживать. Совместно с Н. Н. Муравьевым-Амурским он разработал «Положение об обеспечении и устройстве духовенства в Приамурском крае», которое было утверждено Синодом 23 декабря 1859 г. [15].

Названный документ детально регламентировал основные вопросы жизнедеятельности приходского духовенства в Приамурье. Первым пунктом в нем был обозначен вопрос по наделу землями, где каждому сельскому причту предлагалось отвести земли под усадьбы, огороды и сенокосы до 80 десятин. Наделы немалые и если учесть плодородие осваиваемых земель, должны были принести существенную экономическую выгоду сельскому духовенству, которое подчас трудилось на своих участках, ничуть не уступая прихожанам – крестьянскому населению. Далее говорилось о том, что обрабатывать земли и вообще извлекать из них какую бы то ни было пользу причты должны собственными силами [16].

В «Положении...» четко регламентировались отношения причта и прихожан. Так, последние обязаны были выплачивать причту денежные пособия сверх жалования из казны:

– в городах: протоиерею – 450–500 руб.; священнику – 300–350 руб.; протодиакону кафедрального собора – 250 руб.; диакону – от 150–175 руб.; дьячкам по 100 руб., пономарям – 70 руб.; просвирне – 40 руб.;

– в селах: священнику – 200–250 руб.; диакону, если прихожане пожелают его иметь¹ – по 400 руб. (потому что от казны жалования им не полагалось); дьячку – 85–100 руб.; пономарям от 60–70 руб.; просвирне – 30–35 руб. [17].

Причам же, в свою очередь, запрещалось принимать от прихожан вознаграждение за исполнение какой бы то ни было духовной требы, кроме молебнов, панихид и поднятия святых икон на дома. Кроме того, священнослужителям, будучи вполне обеспеченным в материальном отношении, вменялось в обязанности всемерно содействовать духовному просвещению своей паствы и вообще заботиться о распространении грамотности в приходах, особенно сельских, как-то: устраивать школы при церквях, принимая на свой счет обучение желающих [18].

Особое место в «Положении...» отводилось приходским советам. Целый ряд полномочий, которыми они наделялись, говорил о той роли, которую им предлагалось выполнять в своих приходах. Советы, например, должны были заботиться об удовлетворении всех нужд приходских церквей и состоящих при них причтов. В их состав могли входить: священнослужители той же церкви, а также представители от всех сословий. Особо говорилось о почетных попечителях, в число которых могли попасть желающие, внесшие определенный взнос в пользу церковных доходов. Периодичность заседаний советов определялась следующим образом:

– в городских приходах по мере надобности 3–4 раза в год;

– в сельских – 2 раза в год: осенью, после окончания полевых работ, и весной – перед их началом.

Таким образом, в ведении совета находилось удовлетворение всех нужд церкви и причтов: отопление, устройство помещений, капитальный ремонт, доставление прислуги, раскладка денежных пособий и т. п. Кроме того, на них возлагалось попечение о призрении бедных, погребении неимущих умерших, устройство сирот, распространение грамотности и религиозного образования между прихожанами, рассмотрение случаев по нарушению правил о безвозмездном исполнении причтами духовных треб, и если потребуется, доводить до сведения епархиальных властей открывшиеся нарушения [19].

Приведенный нами документ был несколько необычен для своего времени и принят в виде исключения, т. е. на всю страну он не распространялся, а действовал только в Приамурье. Вопрос о введении в действие «Положения...» в других епархиях выносился на рассмотрение Синода, но из-за «воз-

¹ С введением Положения о церковно-приходских школах (1864 г.) эта должность стала обязательной независимо от желания прихожан.

ражения по многим пунктам Филарета, митрополита Московского... оставлен без дальнейших последствий» [20].

О миссионерской деятельности Святителя Иннокентия написано довольно много как в светской, так и в духовной литературе, потому полагаем, что нет необходимости повторяться. Для уточнения только коснемся этой проблемы с той ее грани, где она довольно тесно связана с научной работой.

Проповедь христианства аборигенным народам могла быть успешной только в том случае, если священник хорошо знал их жизнь, быт и традиции. Обозначив миссионерское служение делом своей жизни, Иннокентий (Вениаминов), еще будучи священником, накопил значительный фактический материал, получивший логическое завершение в научных трудах этнографического, лингвистического, исторического и иного характера. Словом, его научные труды являлись многоаспектными и были всецело направлены на реализацию главного дела всей жизни – просвещение нехристианских народов.

Результативность обозначенной деятельности Иннокентия (Вениаминова) хорошо прослеживается в следующих аспектах:

- в создании переводческого комитета, целенаправленно занимавшегося переложением учебной, богослужебной и иной литературы на языки аборигенных народов;

- во внедрении богослужений на языках аборигенов.

Закладывание основ деятельности переводческого комитета относится к началу 1850-х гг. Ему предшествовала работа в частном порядке над переводом богослужебной литературы, начатая благочинным градо-якутских церквей протоиереем Дмитрием Хитровым, о чем свидетельствует переписка Иннокентия (Вениаминова) и А. Н. Муравьева. Впоследствии Дмитрий Хитров возглавил переводческий комитет.

Сведения о переводческой деятельности якутских миссионеров под руководством Иннокентия встречаются и в сочинении И. А. Гончарова «Фрегат Паллада». Он писал: «Преосвященный Иннокентий подвизается здесь на более обширном поприще, начальствуя паствой двухсот тысяч якутов, нескольких тысяч тунгусов и других племен, раскиданных на пространстве трех тысяч верст в длину и в ширину области... Я случайно был в комитете, который собирается в тиши архиерейской кельи, занимаясь переводом Евангелия. Все духовные лица здесь знают якутский язык...» [21].

Закономерным итогом целенаправленной переводческой деятельности стали богослужения на языках аборигенов. Так, в апреле 1854 г. произошло знаменательное для Восточной Сибири событие – в Иркутском кафедральном Богоявленском соборе на заутрени состоялось чтение Евангелия на 11 языках восточносибирских аборигенов, в том числе: на бурятском, якутском, алеутском. Иннокентий (Вениаминов) принимал в нем участие вместе с архиепископом Иркутским Афанасием (Соколовым).

В 1859 г. в Троицком кафедральном соборе г. Якутска Иннокентий (Вениаминов) совершил божественную литургию на якутском языке. Все было тщательно подготовлено и шло «чрезвычайно стройно, обычным порядком». Это событие привлекло массу народа и настолько поразило якутских родона-

чальников, что они приняли решение просить епископа Иннокентия о том, чтобы 19 июля впредь отмечалось как праздничный день, когда Божественное слово впервые прозвучало в храме на их родном якутском языке [22]. О своих последующих планах в этом отношении Иннокентий (Вениаминов) писал А. Н. Толстому 16 апреля 1859 г.: «Предполагается по отправлении торжественного молебна на якутском языке в первый раз дозволить с этого времени по якутским церквам отправлять службы вместо славянского на якутском языке» [23].

Можно перечислять и другие факты, ставшие итогом многотрудной и насыщенной творческой жизни святителя, но, пожалуй, лучшим признанием его вклада стало избрание его в 1869 г. почетным членом Императорского русского географического общества (ИРГО), а также почетным членом Московского общества естествознания, антропологии и этнографии.

Покидая Приамурье, владыка Иннокентий позаботился о том, чтобы передать свое дело в достойные руки. 9 февраля 1868 г. перед выездом в Москву он совершил хиротонию во епископа Якутского своего любимого ученика Дмитрия Хитрова (с именем Дионисий). При посвящении присутствовал преемник Иннокентия, епископ Селенгинский Вениамин (Благонравов), бывший викарий иркутский.

Таким образом, священническая и архиерейская деятельность Иннокентия (Вениаминова) на Аляске, Камчатке, в Якутии и на Дальнем Востоке носила подвижнический характер, всецело была посвящена на благо Отечества. Его служение по праву получило достойную оценку потомков и вошло в анналы истории как жизненный подвиг.

31 марта (ст. ст.) 1879 г. Иннокентий (Вениаминов) скончался, 5 апреля 1879 г. погребен рядом с могилой митрополита Филарета (Дроздова) в Свято-Духовском храме Троице-Сергиевой Лавры.

1. *Hale C. R.* Innocent of Moscow, the apostol of Kamchatka and Alaska, 1877.

2. Письмо митрополиту Московскому Филарету // Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / сост. магистр богословия протоиерей Б. Пивоваров. Новосибирск, 1997. С. 335.

3. Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / сост. магистр богословия протоиерей Б. Пивоваров. Новосибирск, 1997. С. 195.

4. Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. – С. 334.

5. *Gusev A. F.* Нравственность как условие истинной цивилизации и специальный предмет науки // Православное

1. *Hale C. R.* Innocent of Moscow, the apostol of Kamchatka and Alaska, 1877.

2. The Letter to the Moscow Metropolitan Philaret // Selected works of Saint Innikentiy, Moscow and Kolomensky metropolitan / The author is the Master of theology arch-priest B. Pivovarov. Novosibirsk, 1997. 335 p.

3. Selected works of Saint Innokentiy, Moscow and Kolomensky metropolitan / The author is the Master of theology arch-priest B. Pivovarov. Novosibirsk, 1997. 195 p.

4. Selected works of Saint Innikentiy, Moscow and Kolomensky metropolitan / The author is the Master of theology arch-priest B. Pivovarov. Novosibirsk, 1997. 334 p.

5. *Gusev A. F.* Morality as a true civilization condition and a specific science subject // Orthodox Review. 1874. I. № 5.

- обозрение. 1874. I. № 5. С. 495–528; № 6. С. 609–634; II. № 7. С. 3–32; № 8. С. 125–163; № 9. С. 288–318; Нравственность народная – меры к ее улучшению // Православное обозрение. 1874. II. № 1. С. 63–64; № 9. С. 288–318; и др.
6. *Анисов Л. М.* Просветитель Сибири и Америки. Сергиев Посад, 2007. С. 79.
7. *Gorodetzky.* Missionary Expansion. P. 406.
8. *Макарий (Глухарев), архимандрит.* Лепта (первая): Собрание духовно-нравственных песнопений архимандрита Макария / Макарий (Глухарев). 4-е изд. Бийск, 1890.
9. *Ливанский И. В.* Архимандрит-миссионер. Слово перед панихидою по в бозе почивающем о. архимандрите Макарии, основателе Алтайской духовной миссии, по поводу исполнившегося 18 мая 1897 г. 50-летия со дня его блаженной кончины. Орел, 1898. 15 с.; *Он же.* Просветитель Алтая и учитель Болхова архимандрит-миссионер Макарий Глухарев. Орел, 1905. – 40 с.; *Чевалков М. В.* Памятное завещание: Автобиография миссионера Алтайской духовной миссии священника М. В. Чевалкова. М., 1894. 94 с.; *Гено А.* Алтайские подвижники: Очерк из жизни алтайских миссионеров. СПб., 1903. 36 с.; и др.
10. *Макарова-Мирская А. И.* Апостолы Алтая: Сб. рассказов из жизни алтайских миссионеров, в память 25-летия служения в священническом сане Макария архиепископа Томского и Алтайского. Харьков, 1909. 18 с.; *Она же.* На служении Алтаю (Повесть о жизни и деятельности Высокопреосвященнейшего Макария, Митрополита Московского и Коломенского, в связи с деятельностью других миссионеров Алтая). 2-е изд. Харьков, 1914. 87 с.; и др.
11. Русское проповедничество, исторический его обзор и взгляды на современное состояние. СПб., 1871. С. 267–271; *Разумихин А. И.* О проповеднической импровизации. М., 1904. С. 121–123.
12. Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского и П. 495–528; № 6. P. 609–634; II. № 7. P. 3–32; № 8. P. 125–163; № 9. – P. 288–318; The people's morality – measures for its amelioration // Orthodox Review. 1874. II. № 1. P. 63–64; № 9. P. 288–318; and others.
6. *Anisov L. M.* Enlightener of Siberia and America. Serguiev Posad, 2007. P. 79.
7. *Gorodetzky.* Missionary Expansion. P. 406.
8. *Makariy (Glukharev), Pence (first):* Archmandrite Makariy's works of Sacred and Moral motets. 4th edition. Biysk, 1890.
9. *Livanskiy I. V.* Archmandrite-missionary. Dirge valedictory about archmandrite Makariy, the Altai's spiritual mission founder, in honour of his 50th death anniversary. Orel, 1898. 15 p.; the same author. Enlightener of Altay and the Bolkhov's teacher archmandrite-missionary Makariy Glukharev. Orel, 1905. 40 p.; *Chevalkov M. V.* Memorable will: The autobiography of the Altai's spiritual mission missionary the priest M. V. Chevalkov. M., 1894. 94 p.; *Gueno A.* the Altai's hermits: the Altai's missionary's life sketch. Saint-Ptb Library, 1903. 36 p.; and others.
10. *Makarova-Mirskaya A. I.* The Altai's apostles: Selected stories about the Altai's missionary's life, in memory of Makariy's 25th anniversary churchman service, Altai and Tomsk archbishop. Kharkov, 1990. 18 p.; *The same author.* Serve to Altai. (Story about life and work of Most Reverend Father Makariy, Moscow and Kolomensk metropolitan, in connection with other Altai missionaries' work). 2nd edition. Kharkov, 1914. 87 p.; and others.
11. Russian propagation, its historical review and views on modern state. Saint-Ptb Library, 1871. – P. 267–271; *Razumikhin A. I.* About preacher's improvisation. M., 1904. P. 121–123.
12. Selected works of Saint Innikentiy, Moscow and Kolomensk metropolitan / The author is the Master of theology arch-priest B. Pivovarov. Novosibirsk, 1997. 291 p.
13. *Kharchenko L. N.* To the subject of Amur territories settling (50th-beginning of 60th XIX century) // Russian spiritual life history: 28th all-Russian extra-mural scien-

Коломенского. С. 291.

13. Харченко Л. Н. К вопросу об освоении Амурских территорий (50-е – начало 60-х гг. XIX в.) // История русской духовности : материалы 28-й всерос. заоч. науч. конф. СПб., 2001. С. 323–324.

14. Окладников А. П. От Анги до Уналашки: удивительная судьба Ивана Попова // Вопр. истории. 1976. № 6. С. 129.

15. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

16. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

17. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 8. Л. 4 об.

18. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

19. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–5 об.

20. РГИА. Ф. 804. Оп. 1, Д. 8. Л. 10–10 об.

21. Памяти Дионисия, епископа Якутского и Виллойского, а затем Уфимского и Мензелинского. СПб., 1902. С. 28–29; Гончаров И. А. Фрегат Паллада. С. 400.

22. Бердников И. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за 50 лет ее существования (1842–1892 гг.) // Православный собеседник. 1892. Окт.–нояб. С. 36–37.

23. Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Кн. 2. СПб., 1898. – С. 168.

tific conference's materials. Saint-Ptb Library, 2001. P. 323–324.

14. Okladnikov A. P. From Anga to Unalashka: Ivan Popov's amazing life // History questions. 1976. № 6. 129 p.

15. RHSAD (Russian Historical State Archival Depository). Fund 804. List 1. File 8. P. 3.

16. RHSAD. Fund 804. List 1, File 8. P. 4.

17. RHSAD. Fund 804. List 1. File 8. Backpage 4.

18. RHSAD. Fund 804. List 1, File 8. P. 5.

19. RHSAD. Fund 804, List 1. file 8. P. 5–5.

20. RHSAD. Fund 804. List 1. File 8. P. 10–10.

21. Berdnikov I. Educational and Scientific activity of Kazanskaya theological academy for 50 years of its existence Skatch (1842–1892) // Orthodox interlocutor. 1892. Oct.–Nov. P. 36–37.

22. Innokentiy's Letters, Moscow and Kolomensk metropolitan. 2nd book. Saint-Ptb Library, 1898. P. 168.

23. Barsukov I. In commemoration of Dionisiy, Yakutie and Viluyusk bishop and later Ufimsk and Menzelinsk bishop as well. Saint-Ptb Library. P. 28–29; Goncharov I. A. Frigate Pallada. P. 400.

Historical and Cultural Aspects of Innokentiy Veniaminov's Educational Activities

L. N. Kharchenko

Irkutsk State Transport University, Irkutsk

The article presented reveals Innokentiy Veniaminov's educational activities within his prayer service at the Aleutian Islands, Kamchatka, Yakutia and Amur.

Key words: Orthodox Church, educational activities, missionary activities, history, culture, Aleutian Islands, Kamchatka, Yakutia, Amur.

Харченко Любовь Николаевна – доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения, e-mail: kharchenko_ln@irgups.ru.

Kharchenko Liubov Nikolaevna – Doctor of Historical Science, Professor, the Irkutsk State Transport University, e-mail: kharchenko_ln@irgups.ru